

М. А. Холодилова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В данной статье рассматривается конкуренция между причастным оборотом с действительным причастием (1) и клаузой с союзным словом *который* в именительном падеже (2), которые являются наиболее частотными средствами **релятивизации** подлежащего в русском языке.

- (1) *Я не знаю человека, **написавшего** это стихотворение.* [Яндекс]
- (2) *Я не знаю человека, **который** написал это стихотворение.*

Под релятивизацией понимается образование **относительной конструкции**, т. е. «конструкци[и], состоящ[ей] из имени <...> (эта позиция может быть не заполнена) и зависимой клаузы, которая интерпретируется как определение к этому имени. Такое имя называется вершиной, а зависимая клауза — относительной клаузой. Относительная клауза находится в таком определительном отношении к вершине, что вершина задействована в том, что сообщается в относительной клаузе» [Lehmann 1986: 664].

Как видно из примеров (1)–(2), рассматриваемые в данной статье относительные конструкции возможны в сходных кон-

¹ Представленное в статье исследование было поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных префикаций (релятивизация в русском языке)» и грантом РФФИ № 14-06-31212 мол_а «Корпусное исследование релятивизации в русском языке».

Я благодарю С. С. Сая за помощь на разных этапах исследования и работы над текстом статьи. Я также с благодарностью учла некоторые замечания, высказанные М. Д. Воейковой и В. И. Подлесской.

текстах, причем выбор между ними может быть не связан с каким-либо очевидным семантическим различием.

В статье будет рассмотрен ряд параметров, связанных с выбором той или иной стратегии. В частности, будет показана связь выбора стратегии с типом **текста** (раздел 2), свойствами **вершины** (раздел 3), свойствами **глагола** в относительной клаузе (раздел 4) и свойствами относительной **клаузы** в целом (раздел 5).

2. Частотность стратегий в зависимости от типа текста

В литературе неоднократно отмечалось, что использование причастий более характерно для письменной речи (см., например, [Розенталь и др. 1998: 317]). Это обобщение подтверждается данными НКРЯ²: как видно из Таблицы 1, в основном корпусе, содержащем преимущественно письменные тексты, доля причастной стратегии релятивизации значительно выше, чем в устном корпусе. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 1. Частотность стратегий релятивизации подлежащего в устном и основном корпусах (2005–2007 гг.)³

	<i>который</i>	причастие	% причастий
основной подкорпус	360	851	70 %
устный подкорпус	539	348	39 %

Данные в Таблице 1, однако, не позволяют определить, каким фактором следует объяснять различие между корпусами.

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). В работе используются данные основного, устного и синтаксического (иначе, глубоко аннотированного) подкорпусов.

³ Данные в Таблице 1 и далее в статье могут не отражать точных количественных соотношений между стратегиями, так как необходимые ограничения на запрос не позволяют получить все релевантные примеры. Существенно, однако, что эти ограничения являются общими для всех ячеек в каждой таблице, к которым такие ограничения применимы, и не связаны очевидным образом с рассматриваемыми параметрами, т. е. ожидается, что полученные соотношения верно отражают относительную, а не абсолютную частотность.

Далее в статье также не оговариваются случаи, в которых данные некоторых строк считаются не по всему корпусу, а только по подкорпусу со снятой омонимией.

Наиболее вероятными среди возможных факторов кажутся способ коммуникации (устный или письменный) и «формальность» текстов (так как последняя, предположительно, должна коррелировать с письменным способом коммуникации).

Для разграничения этих параметров было рассмотрено распределение стратегий релятивизации отдельно для менее формальных письменных текстов (электронная коммуникация), более формальных письменных текстов (прочие тексты основного подкорпуса) и формальных устных текстов (лекции).

Таблица 2. Связь выбора стратегии с типом текста (2005–2007 гг.)

	<i>который</i>	причастие	% причастий
основной корпус, кроме электронной коммуникации	180	493	73 %
электронная коммуникация	180	358	67 %
лекции	53	46	46 %

Данные в Таблице 2 показывают, что значимыми, по всей видимости, являются оба фактора.

Во-первых, статистически значимым (χ^2 , $P = 0,01$) является различие между электронной коммуникацией и прочими текстами основного корпуса, т. е., по всей видимости, формальность/неформальность текста является независимым фактором.

Во-вторых, статистически значимо различаются электронная коммуникация и лекции (χ^2 , $P < 0,01$), т. е. письменный способ коммуникации способствует увеличению доли причастной стратегии релятивизации независимо от формальности/неформальности текста⁴.

⁴ Данный вывод основан на не вполне очевидном допущении, что параметр формальности принципиально отделим от способа коммуникации. Другой теоретически возможный подход предполагает рассмотрение формальности как макрофактора, включающего способ коммуникации. При таком подходе рассматриваемые в разделе различия следует считать проявлениями одного и того же фактора. Однако в этом случае следует ожидать, что по всем признакам, связанным с формальностью текста, рассматриваемые три группы будут одинаково упорядочены, что, по всей видимости, неверно. В частности, как для лекций, так и для формальных письменных текстов характерно значительно боль-

Таким образом, распределение стратегий релятивизации подлежащего чувствительно и к степени формальности текста, и к способу коммуникации, причем доля причастной стратегии выше в письменных текстах и в более формальных текстах.

3. Свойства вершины

Ряд различий между стратегиями связан со свойствами вершины относительной конструкции.

Так, причастный оборот допустим при отсутствии вершины (3а) и при вершине, не содержащей существительного (4а), тогда как для относительного предложения с *который* «в литературном языке (...) обязательна вершина, причем вершина именная» [Лютикова 2009: 443]⁵.

(3а) *Сидевшие рядом с ним удивлялись — откуда это он знает, что будет петь Архипова.* [НКРЯ: И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]

(3б) *???**Которые** сидели рядом с ним удивлялись — откуда это он знает, что будет петь Архипова.*

(4а) *Если кто-то вдруг и спросит, как его зовут, он не сможет остановиться и в спешке выкрикнет первое **пришедшее** в голову.* [НКРЯ: Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003]

(4б) *??? (...) выкрикнет первое **которое** пришло/придет в голову.*

С ограничением на относительные предложения с *который* без вершины, возможно, в какой-то мере связана большая допустимость причастных оборотов при независимом использовании

шее количество относительных клауз на фиксированное количество слов, чем для неформальных письменных текстов, т. е. по этому параметру «более формальными» должны оказываться лекции, а не тексты электронной коммуникации.

⁵ Как неоднократно отмечалось в литературе (см., в частности, [Зализняк, Падучева 1979: 294]), в разговорной речи данное правило может нарушаться:

(i) *Здесь тоже жили/**которые** работали на Треугольнике.* [НКРЯ: Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург (1997–1998)]

относительной клаузы в предикативной функции. Как неоднократно отмечалось [Гращенкова, Гращенков 2006: 38; Крапивина 2009: 28], причастные обороты во многих случаях недопустимы в предикативной позиции (5), однако, как видно из (6а–б), предикативное использование относительных предложений с *который* еще более ограничено.

(5) **Этот человек прошедший войну.* [Гращенкова, Гращенков 2006: 40]

(6а) *Труд был тяжелый, отнимающий много времени.* [Яндекс]

(6б) *???Труд был тяжелый, который отнимает много времени.*

Другим свойством, совместимым лишь с одной стратегией, является наличие в составе вершины местоимений *тот* и *такой* в функции детерминативов, т. е. грамматических элементов, маркирующих вершину рестриктивной относительной клаузы (о детерминативах см., в частности, [Diessel 1999a: 27–28; Diessel 1999b: 135–137]). Как отмечает А. Никунласси, слова *тот* и *такой* требует наличия придаточной части, которая не может быть заменена на причастный оборот [Никунласси 2008: 170–172]⁶:

⁶ Существуют, впрочем, примеры, в которых *тот* при причастном обороте приближается по своим свойствам к детерминативу, используя при описании референта, не упоминавшегося ранее в тексте:

(i) *Есть о чем задуматься и им, и всем нам — где та граница, отделяющая «то, что позволено», от того, «что не позволено» искусству.* [НКРЯ: Александр Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999)]

В такого рода примерах относительная клауза, как правило, содержит данную информацию, помогающую идентифицировать референт (особенно часто в сочетании *тот самый* + причастный оборот), что характерно для местоимений в «опознавательном» значении (“*recognitional use*”, см. [Himmelman 1996: 230–239; Diessel 1999b: 105–109]). Важно, однако, отметить, что в примере (i) относительная клауза является обязательным элементом, который невозможно ни опустить (ii), ни заменить единицей неклаузального типа (iii).

(ii) #⟨...⟩ где та граница?

(iii) ??⟨...⟩ где та граница между дозволенным и недозволенным?

(7а) *Теперь, разглядывая его в натуральности, все невольно слышали его с тем образом, **который** витал в их воображении.* [НКРЯ: Даниил Гранин. Зубр (1987)]

(7б) ^{???}*{...} все невольно слышали его с тем образом, **витающим** в их воображении.*

Еще одним свойством вершины, связанным с выбором стратегии релятивизации, является падежная форма вершинного существительного. Как видно из данных в Таблице 3, доля причастной стратегии релятивизации различна при вершинах в именительном падеже (8), в родительном падеже (9) и в прочих падежах (10).

(8) *Человек, **закончивший** музыкальную школу, должен отличать гобой от фагота!* [НКРЯ: Запись LiveJournal (2004)]

(9) *В сорок два он вложил в уста Арамиса, **передумавшего** уходить из мушкетёров в аббаты, пламенную тираду: «Унеси эти отвратительные овощи и гнусную яичницу!»* [НКРЯ: Рецепты национальных кухонь: Франция (2000–2005)]

(10) *Текст обретает смысл, когда встречает читателя, **который** знает, что он хочет в нём найти.* [НКРЯ: Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл // «Знание — сила», № 1, 2003]

Таким образом, можно предположить, что детерминативное использование единицы *тот* возможно при обоих типах относительных клауз, но в конструкции с относительным предложением грамматикализовано в большей степени (ср. [Diessel 1999b: 135], где отмечается, что «опознавательные» местоимения могут грамматикализоваться в детерминативы).

Как кажется, от классического детерминативного использования местоимения *тот* отклоняются также примеры, в которых это местоимение относится к существительному со значением множества, в то время как местоимение *который* согласуется по числу с генитивным зависимым данного существительного:

(iv) *Просто Алеша из той породы людей, **которые** могут работать, только находясь в полном одиночестве.* [НКРЯ: Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]

В Таблице 3 в отдельную группу вынесены также случаи, в которых существительное в именительном падеже следует за словоформой *есть* в значении ‘существует’, как в (11)⁷.

- (11) *Есть чувства, которые поднимают нас от земли.* [НКРЯ: И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Таблица 3. Связь между выбором стратегии и позицией вершины

	<i>который</i>	причастие	% причастий
именительный падеж (Nom)	2112	3059	59 %
родительный падеж (Gen)	1900	2395	56 %
остальные падежи (др.)	3105	3004	49 %
<i>есть</i> (‘существует’) + именительный падеж (Ex)	59	18	23 %

Различие между четырьмя выделенными группами при парном сравнении соседних результатов статистически значимо (χ^2 , во всех случаях $P < 0,01$). Таким образом, можно предварительно заключить, что вероятность использования причастной стратегии убывает по мере продвижения по иерархии (12).

- (12) Nom < Gen < др. < Ex

Можно предположить, что иерархия (12) в какой-то мере объясняется тем, как данные позиции соотносятся с информационным статусом именных групп, состоящих из вершинного существительного и относительной клаузы. Так, именные группы в позиции подлежащего и приименного посессора, которые в большинстве случаев соответствуют номинативному и генитивному оформлению, часто относятся к данной информации, тогда как подлежащее экзистенциальной конструкции в большинстве случаев относится к новой информации⁸.

⁷ Особые свойства вершин такого рода были отмечены в статье [Fox, Thompson 1990].

⁸ Возможно, релевантна в данном случае более дробная система, например, используемое в [Fox, Thompson 1990] деление ИГ на новые, «определимые» (identifiable) и данные, так как ИГ в позиции подлежащего экзистенциальной конструкции, особенно сильно отличающаяся от других групп, чаще всего является новой и «неопределимой».

Это предположение достаточно сложно проверить непосредственно, однако косвенно оно подтверждается существованием положительной корреляции между вхождением вершины в тему и использованием причастного оборота, поскольку тематичность и данность заведомо коррелируют между собой. Данные небольшой выборки, показывающие положительную корреляцию между выбором причастной стратегии и тематичностью именной группы в фиксированном падеже (в данном случае именительном), отражены в Таблице 4. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 4. Связь между выбором стратегии и коммуникативным статусом вершины в именительном падеже⁹

	тема	рема	% ремы
<i>который</i>	51	149	75 %
причастие	76	124	62 %

Связь между выбором стратегии с *который* и отнесенностью именных групп к новому может быть также косвенно подтверждена и данными о линейном положении двух сопоставляемых типов именных групп в предложении. Как видно из Таблицы 5, именные группы, содержащие относительную клаузу с *который*, значительно чаще, чем именные группы, содержащие причастный оборот, занимают последнее место в предложении, то есть то место, которое в русском языке, как известно, коррелирует с тематичностью и «новизной»¹⁰. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

⁹ Следует признать, что оценка тематичности/релативности именной группы в примерах, взятых из естественных текстов, часто затруднена и опирается на не вполне эксплицитные критерии. Хотелось бы все же отметить, что, во-первых, каковы бы ни были эти критерии, они были едиными для обеих рассматриваемых групп и само наличие корреляции подтверждает их неслучайность, а во-вторых, в части случаев сомнения о статусе именной группы могли быть разрешены с помощью ближайшего контекста.

То же верно и для определения рестриктивности/нерестриктивности относительных клауз (см. данные в Таблице 9).

¹⁰ Я благодарю В. И. Подлесскую за указание на возможность такой корреляции и ее связь с информационным статусом именных групп.

Таблица 5. Связь между выбором стратегии и финальным положением именных групп, содержащих относительную клаузу¹¹

	в конце	не в конце	% ИГ в конце
<i>который</i>	74	26	74 %
причастие	48	52	48 %

4. Свойства глагола в относительной клаузе

Некоторые ограничения на конкуренцию стратегий релятивизации связаны с отсутствием или редкостью в русском языке отдельных причастных форм, либо отсутствующих в парадигме причастий в целом, либо не вполне допустимых для отдельных глаголов.

Одно из таких ограничений связано с отсутствием в литературном русском языке причастных форм аналитического и синтетического будущего времени (**прочитающий, *будущий читать*)¹².

Следует отметить, что отсутствие морфологических форм будущего времени не делает полностью невозможным использование причастной стратегии при описании событий, относящихся к будущему. Так, как было показано в статье [Русскова, Сай 2009], в ряде случаев действие, обозначенное причастием настоящего (13) или прошедшего (14а) времени, может относиться к плану будущего.

- (13) *Он увидит **сидящего** на скамейке пожилого и солидного человека с бородкой, в пенсне и с чуть-чуть поросычыми*

¹¹ Для обоих типов относительных клауз рассматривалось по 100 случайных примеров из текстов 2000–2007 гг.

¹² См. впрочем [Крапивина 2009: 12–26] о формах, подобных причастию *растворяющимся* в (i).

- (i) *⟨...⟩ всё это кажется миражом, вот-вот **растворяющимся** в воздухе.* [НКРЯ: Итальянское каприччио для путешественников // «Туризм и образование», 2000.06.15]

Далее в работе такие формы не учитываются, так как их частотность крайне мала, следовательно, их влияние на распределение рассматриваемых стратегий вряд ли может быть значительным.

чертами лица. [НКРЯ: М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

(14а) *Приз получит первый дозвонившийся слушатель.*

[Русакова, Сай 2009: 247]

В таких случаях сохраняется конкуренция рассматриваемых стратегий, ср. (14а–б).

(14б) *Приз получит первый слушатель, который до нас дозвонится.*

Тем не менее существует ряд ограничений на использование причастных форм при описании событий, относящихся к плану будущего.

Во-первых, использование причастной стратегии возможно только в том случае, если действие в зависимой клаузе предшествует действию в главной клаузе — в этом случае используется причастие прошедшего времени (14а) — или происходит одновременно с ним (так, что временная локализация события в зависимой клаузе может включать в себя временную локализацию события в главной клаузе или полностью совпадать с ней) — в этом случае используется причастие настоящего времени (13). В остальных случаях для релятивизации может быть использована только клауза с относительным местоимением. В частности, как отмечают М. В. Русакова и С. С. Сай, причастная стратегия не может быть использована, если действие, обозначенное глаголом, относится к плану будущего и следует за тем действием, которое выражено глаголом в главной клаузе [Русакова, Сай 2009: 247]^{13, 14}.

¹³ Здесь и далее не учитываются случаи, в которых причастие настоящего времени используется для описания того класса событий в будущем, который может описываться формой настоящего времени и в финитном относительном предложении, ср. (i)–(ii).

(i) *поезд, отходящий со второй платформы*

(ii) *поезд, который отходит со второй платформы*

Я благодарна В. И. Подлесской, обратившей мое внимание на этот класс примеров.

¹⁴ Кроме того, причастная стратегия оказывается невозможна, если временная локализация события в главной клаузе включает в себя временную локализацию события в зависимой клаузе, а также при изо-

(15а) *Вечером мы откроем роскошный карнавал, **который** будет продолжаться всю ночь.* [НКРЯ: Б. А. Лавренев. Крушение республики Итль (1925)]

(15б) *⟨...⟩ *карнавал, продолжающийся/продолжавшийся всю ночь.*

Во-вторых, использование причастной стратегии при описании будущих событий не вполне допустимо при наличии в относительной клаузе обстоятельств с шифтерным значением¹⁵:

(16а) *Партия, **которая** выиграет выборы в следующем году, будет иметь возможность рассадить своих людей на несколько добавившихся правительственных кресел.*¹⁶ [Яндекс]

(16б) *Партия, **выигравшая** выборы (?? в следующем году), ⟨...⟩*

Наконец, значимыми, по всей видимости, оказываются еще два фактора: «нарративность» фрагмента текста, в котором используется относительная клауза, и референциальный статус именной группы. Как кажется, причастие, описывающее событие в будущем, в ненарративном контексте не может входить в референтную именную группу (ср. (17а–б)), тогда как в рамках нарратива это возможно (17в)^{17, 18}:

лированном использовании относительной конструкции (ср., например газетный заголовок «*Человек, который спасет Спартак*» при невозможности в данном значении #«*Человек, спасший Спартак*»).

¹⁵ О сходном ограничении на использование причастий настоящего времени при описании событий, относящихся к плану прошлого, см. в [Русакова, Сай 2009: 275–276].

Ср. также, по всей видимости, близкое ограничение в японском языке, в котором таксисное прочтение глагольной формы прошедшего времени в относительной клаузе невозможно «при наличии в придаточном предложении наречий времени» [Алпатов и др. 2008: 109].

¹⁶ Вторая запятая в (16а), отсутствующая в оригинале, поставлена на основании контекста.

¹⁷ Предположительно, это различие наиболее точно может быть описано как различие между речевым и нарративным режимами интерпретации (об их противопоставлении см. прежде всего [Падучева 2008]). Поведение причастий в контексте третьего режима интерпретации — гипотаксического — требует отдельного изучения.

¹⁸ Ср. также более естественные текстовые примеры (i), (ii)–(iii) и (iv), соотносимые с примерами (17а–в) соответственно.

- (17а) {А: Я хочу пригласить Ивановых.
В: Приглашай кого хочешь, но учти, что метро рано закрывается, поэтому} гости, **приехавшие** к нам на Новый Год, должны будут рано уехать.
- (17б) Гости/Ивановы, **которые** придут/***приехавшие** к нам на Новый Год, должны будут рано уехать. {Они собираются потом поехать к своей бабушке}.
- (17в) {Зимние каникулы обязательно не заладятся}. Сначала гости/Ивановы, **приехавшие** к нам на Новый Год, должны будут рано уехать, потом кто-нибудь заболеет, <...>

Контекст в (17а) указывает на нереперентность именной группы, содержащей причастный оборот: высказывание верно для любых гостей, вне зависимости от того, кто именно будет приглашен, — тогда как в (17б) именная группа, включающая относительную клаузу, очевидно реферирует к некоторой референтной (и определенной) группе гостей, и в этом случае использование причастного оборота оказывается неграмматичным. В то же время в примере (17в) причастный оборот оказывается возможен и в референтной именной группе. Как кажется, это различие связано с «нарративностью» примера (17в): в нем, в отличие от (17а–б), описывается цепочка последовательных событий в будущем, не имеющих очевидных предпосылок в настоящем.

Последние два ограничения: запрет на обстоятельства с шифтерным значением и ограниченность ненарративных (а значит, более связанных с моментом речи) контекстов — указывают на то, что причастная стратегия при описании событий, относя-

-
- (i) *Администрация города заранее объявила, что первый ребенок, **родившийся** в Костроме 28 августа, станет символом нашего города на ближайший год.* [Яндекс]
- (ii) *Ребенок, **который** рождается в середине января, станет первенцем актрисы и ее мужа.* [Яндекс]
- (iii) **Ребенок, **родившийся** в середине января, станет первенцем актрисы и ее мужа.*
- (iv) *И тогда погибнут сначала они, **узнавшие** правду слишком рано, а следом и мы, **скрывавшие** ее.* [Яндекс]

щихся к плану будущего, плохо совместима с ориентацией на настоящее как дейктический центр высказывания.

На использование причастной стратегии накладывает ограничения также отсутствие в русском литературном языке причастной формы сослагательного наклонения (**прочитавший бы*)¹⁹.

Как и в случае с описанием событий, относящихся к будущему, отсутствие данной морфологической формы не исключает конкуренцию стратегий релятивизации, так как относительное предложение, в котором глагол стоит в форме сослагательного наклонения, и причастный оборот могут использоваться в предложениях с близким значением, ср. (18а–б):

(18а) *Я считаю, что в России должен появиться государственный орган, **который** регулировал бы эти процессы.* [НКРЯ: Светлана Офитова. Петр Латышев: Наша цель — единое пространство // «Независимая газета», 2003.04.28]

(18б) *^{OK}Я считаю, что в России должен появиться государственный орган, **регулирующий** эти процессы.*

Причастная стратегия невозможна в контрфактических относительных клаузах, ср. (19а–б)²⁰.

(19а) *С этим наставлением, **которое** спасло бы множество жизней в голодные годы, будь оно услышано, Дюма покинул*

¹⁹ Впрочем, примеры, содержащие форму причастия сослагательного наклонения, иногда встречаются в текстах:

(i) *Теперь, когда газеты в Атланте перестали выходить, невозможно было получить хоть какую-то информацию, **заслуживающую бы** доверия.* [Яндекс]

Интересно, что в такого рода примерах встречаются глагольные формы не только прошедшего (i), но и настоящего времени (ii), что практически невозможно для личных форм.

(ii) *Честно говоря, я не вижу действительно дельного решения проблемы голосования, **заслуживающего бы** упоминания.* [Яндекс]

Далее в работе подобные примеры не учитываются.

²⁰ О понятии контрфактической относительной клаузы см. в [Dobrushina 2010: 183].

Россию. [НКРЯ: Рецепты национальных кухонь: Франция (2000–2005)]

- (19б) *С этим наставлением, **спасшим** множество жизней, будь оно услышано <...>

Кроме того, как и в случае с описанием событий, относящихся к плану будущего, причастный оборот не может выражать действие, следующее за действием в главной клаузе, ср. (20а–б).

- (20а) *Найти в таких условиях мастера, **который** согласился бы взять меня стажером, было непросто*. [НКРЯ: Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]

- (20б) [#]*Найти в таких условиях мастера, **согласившегося** взять меня стажером, <...>*

На распределение стратегий релятивизации могут оказывать влияние также свойства отдельных глаголов.

Так, сравнительно редки формы причастия прошедшего времени, которые образуются от основы на согласный, или, что то же, причастия с алломорфом *-и-*²¹, что уменьшает долю причастной стратегии при использовании соответствующих глаголов. Данная тенденция неверна для некоторых классов глаголов совершенного вида, а также для глаголов, производных от *идти*. Кроме того, редкость причастной формы от основы на согласный не влияет на частотность причастной стратегии при использовании глаголов несовершенного вида IV словоизменительного класса по [Шведова (ред.) 1980: §1560] (*глохнуть*, *мерзнуть*), у которых очень частотна конкурентная форма от основы на гласный (*глохнувший* наравне с *глохший*).

Помимо морфонологических ограничений на образование причастий, существуют также ограничения, связанные с индивидуальными особенностями отдельных глаголов. Прежде всего необходимо упомянуть глагол *быть*, так как «историческое причастие настоящего времени от этого глагола *сущий* очень архаич-

²¹ От основы на согласный образуются причастия прошедшего времени от глаголов следующих словоизменительных классов по [Шведова (ред.) 1980: §1552–1574]: IV, VI, VII (1-ый подкласс), изолированные глаголы, производные от *идти*.

но и практически не используется» [Русакова, Сай 2009: 264]. Соответственно, относительным клаузам с глаголом *быть* в настоящем времени (21) нет точного причастного аналога.

- (21) *Кто ему мешает прекратить всякие склоки, которые есть в правительстве?* [НКРЯ: Борис Немцов: Кремль и есть правительство // «Газета», 2003.06.20]

Исключительно редкой является также форма прошедшего времени от глагола *быть*, см. данные в Таблице 6²². Различие между глаголом *быть* и глаголами несовершенного вида в среднем статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 6. Частотность причастной стратегии у глагола *быть* по сравнению со средними значениями в прошедшем времени (1951–2007 гг.)

	<i>который</i>	причастие	% причастий
глаголы несовершенного вида	1525	4698	75 %
<i>быть</i>	313	17	5 %

Использование формы *бывший* ограничено не только количественно. Эта форма невозможна в ряде связочных контекстов: от нее не может зависеть краткое прилагательное или причастие (22а–б), а также полное прилагательное или существительное в именительном падеже (23а–б)²³. Если от глагола зависит суще-

²² **Прилагательное** *бывший*, напротив, встречается очень часто.

²³ Такого рода примеры встречаются еще в текстах XIX века:

- (i) *⟨...⟩ граф, видимо, **бывший** совершенно здоров, ⟨...⟩ обратился почти с запальчивостью к стоявшему перед ним навытяжке правителю дел ⟨...⟩* [НКРЯ: А. Ф. Писемский. Масоны (1880)]

Впрочем, и на этом этапе причастный оборот, содержащий глагол *быть* и краткую форму прилагательного или причастия, был возможен, по всей видимости, только при вершине в именительном падеже: в НКРЯ на 5 примеров, подобных (i), не приходится ни одного с вершиной в косвенных падежах. Для относительной клаузы с местоимением *который* в сходных контекстах доля вершин в именительном падеже значительно ниже: 29 примеров из 150. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

ствительное или прилагательное в творительном падеже, причастие допустимо, хотя и используется сравнительно редко.

- (22а) *Мы поддерживали предложения, **которые** были связаны с судебной реформой.* [НКРЯ: А. Варфоломеев, Г. Явлинский. Беседа В. Варфоломеева с Г. Явлинским в прямом эфире «Эха Москвы» (2003)]
- (22б) **Мы поддерживали предложения, **бывшие** связаны с судебной реформой.*
- (23а) *⟨...⟩ это ценила во мне и Евгения Яковлевна, **которая** была большая мастерица в кулинарном искусстве и тоже очень любила угощать.* [НКРЯ: И. А. Бунин. О Чехове (1928–1929)]
- (23б) #*Это ценила во мне и Евгения Яковлевна, **бывшая** большая мастерица в кулинарном искусстве.*

К числу глаголов, редко образующих причастные формы, относятся также *мочь* и *хотеть*. Редкость причастных форм у этих глаголов, по всей видимости, является свидетельством высокой степени их грамматикализации²⁴. В этом контексте кажется существенным и тот факт, что у модального предиката *должен* крайне редка полная форма, которая является функциональным аналогом причастия. Таким образом, при основных модальных предикатах предпочтительнее модель релятивизации с относительным местоимением *который*. У глаголов со значением, близким к данным модальным предикатам: *долженствовать*, *желать* и *уметь* — причастная стратегия, напротив, очень частотна, см. данные в Таблице 7. В таблице собрана информация о частотности стратегий релятивизации у различных слов, от которых зависит инфинитив²⁵.

²⁴ На то же указывает ряд других свойств, таких как редкость и неполная допустимость некоторых форм (*???хотя/OKжелая понять, ???хоти/желай он это сделать...*), частотность кратких прилагательных в зависимых именных предикациях (*может быть болен*) и под., см. подробнее [Холодилова, в печати].

²⁵ Таким образом, в таблице не учитывается, например, форма *должный*, используемая в сочетании *должный уровень* (НКРЯ), но учитывается та же форма, использованная в сочетании *должный уравновесивать* (НКРЯ).

Таблица 7. Сравнительная частотность стратегий у различных единиц с зависящим от них инфинитивом (1951–2007 гг.)

	<i>который</i>	причастие / прилагательное	% причастий
<i>желать</i>	27	2063 ²⁶	99 %
<i>долженствовать</i>	1	73	99 %
<i>способный</i>	282	3430	92 %
<i>уметь</i>	167	782	82 %
другие глаголы несовершенного вида, причастия, прилагательные	323	467	59 %
<i>мочь</i>	3459	399	10 %
<i>хотеть</i>	420	41	9 %
<i>должный</i>	1389	22	2 %

Как видно из Таблицы 7, редкость причастных форм у модальных глаголов (*могущий, хотящий*) частично компенсируется за счет большей частотности адъективных форм у других предикатов с близким значением (*умеющий, способный, желающий*).

Особенно интересным представляется поведение «компенсирующих» предикатов, поскольку оно помогает проверить возможные гипотезы о порядке порождения относительных клауз.

Во-первых, можно предположить, что выбор вершинной лексемы в относительной клаузе происходит до выбора стратегии релятивизации, и, соответственно, высокая частотность причастной стратегии у рассматриваемой группы глаголов связана только с их собственными характеристиками. Этому предположению, однако, мешает следующее: для рассматриваемых глаголов причастные формы составляют очень высокую долю от случаев их употребления в целом (86,0% для глагола *долженствовать* и 24,6% для глагола *желать* при среднем для глаголов несовершенного вида 6,5%), т. е., чтобы принять это предположение, придется допустить, что данные глаголы обладают двумя полностью **независимыми** свойствами: они, во-первых, очень частот-

²⁶ Во многих примерах форма *желающий*, по всей видимости, является субстантивированным причастием, однако отграничить эти случаи вряд ли возможно.

ны в контексте релятивизации, а во-вторых, способствуют использованию причастной стратегии. Независимым в этом случае придется считать и тот факт, что глаголы, синонимичные рассматриваемым, редко образуют причастные формы. Эти допущения кажутся крайне неправдоподобными.

Во-вторых, можно предположить, что выбор стратегии предшествует выбору глагола в относительной клаузе и, соответственно, высокая доля причастий у глаголов *долженствовать* и *желать* вызвана тем, что синонимичные им предикаты редко используются при данной стратегии. Это объяснение также кажется маловероятным, поскольку, если выбор стратегии предшествует выбору глагола, следует ожидать, что редкость формы полного прилагательного, например, у предиката *должен* не будет сказываться на распределении стратегий в пределах соответствующей семантической зоны, что неверно, см. данные в Таблице 8. (Различие статистически значимо, χ^2 , $P \ll 0,01$.)

Таблица 8. Частотность стратегий в семантической зоне долженствования по сравнению со средними значениями (1951–2007 гг.)

	<i>который</i>	причастие / прилагательное	% причастий
глаголы несовершенного вида, причастия, прилагательные + инфинитив	323	467	59 %
<i>должный, обязанный, вынужденный, долженствовать</i> + инфинитив	1481	561	27 %

Остается заключить, что выбор стратегии релятивизации и выбор глагола в относительной клаузе взаимно влияют друг на друга и, возможно, планируются одновременно.

5. Свойства относительной клаузы

В данном разделе будут рассмотрены свойства относительной клаузы, коррелирующие с выбором той или иной стратегии релятивизации. Некоторые из этих свойств неслучайным образом связаны друг с другом, поэтому там, где это возможно, будут

приведены данные, доказывающие относительную независимость рассматриваемых корреляций.

Прежде всего необходимо рассмотреть позиционные типы относительных предложений, которые допустимы при рассматриваемых стратегиях.

Причастные обороты возможны в препозиции (24а) и постпозиции (18б) к вершине.

(24а) *Монгуш Кенин-Лопсан подвел итоги за **прошедшие** после первого симпозиума 10 лет.* [НКРЯ: Плесните колдовства!]

Относительные предложения с местоимением *который* невозможны в препозиции (24б)²⁷. Они используются в постпозиции к вершине (23а) либо примыкают к главной клаузе в целом, как в коррелятивах (25) или при экстрапозиции (26).

(24б) ^{???} *Монгуш Кенин-Лопсан подвел итоги за **которые** прошли после первого симпозиума 10 лет.*

(25) {О часах:} **Которые** с цифрами, в тех не путаюсь. [Яндекс]

(26) *Это где ж такого клиента найдешь, **который** разом польстится на столь разноплановые вещи?* [НКРЯ: Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)]

Другой важной характеристикой относительной клаузы, связанной с выбором стратегии, является рестриктивность. Как видно из данных небольшой случайной выборки в Таблице 9, выбор причастной стратегии коррелирует с рестриктивностью клаузы (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 9. Связь между выбором стратегии и типом относительной клаузы

	рестриктивная клауза	нерестриктивная клауза	% нерестриктивных клауз
<i>который</i>	47	53	53 %
причастие	69	31	31 %

²⁷ О крайне редких исключениях из этого правила см. [Лютикова 2009: 453].

Еще одним признаком, связанным с выбором стратегии релятивизации, является длина относительной клаузы. Большая длина относительной клаузы коррелирует с использованием относительных предложений с местоимением *который* (в среднем 8,9 слов, не считая само слово *который*), а не причастных оборотов (в среднем 6,25 слов). Различие статистически значимо (Т-критерий Манна-Уитни, численность групп по 101, $P < 0,01$).

Кажется необходимым показать, что длина относительной клаузы является фактором, взаимодействующим с выбором стратегии релятивизации независимо от количества непосредственных зависимых глагола и от типов этих зависимых (значимость этих факторов будет показана ниже).

Если предположить, что значимость длины относительной клаузы связана только с тем, что она коррелирует с количеством непосредственных зависимых глагола, следует ожидать, что количество слов в клаузе, не зависящих непосредственно от глагола, не будет оказывать существенного влияния на выбор стратегии.

Назовем непосредственные зависимые глагола зависимыми первой «степени», их зависимые — зависимыми второй «степени» и так далее, в зависимости от количества узлов в дереве зависимостей, разделяющих глагол и рассматриваемое зависимое. Так, например, в (27) зависимые первой «степени» — *движения* и *бойку*, зависимое второй «степени» — *поступательные*.

(27) *Электромотор крутил ротор, **который** сообщал поступательные движения бойку.* [НКРЯ: Второе дыхание отбойного молотка]

Длина клаузы складывается из количества непосредственных зависимых глагола и количества зависимых более высоких «степеней». Если предположить, что длина относительной клаузы не является независимым фактором, количество зависимых высоких «степеней», приходящееся на одно зависимое первой «степени», должно быть близким у причастных оборотов и относительных клауз с местоимением *который*. Как видно из Таблицы 10, это неверно: в относительных предложениях с местоимением *который* доля зависимых высоких «степеней» больше (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 10. Связь между выбором стратегии и количеством зависимых различной «степени»

	1	2–12	зависимых высоких (2–12) «степеней» на одно зависимое 1-ой «степени» в среднем
<i>который</i>	2462	7527	3,06
причастие	4489	11251	2,51

Близкое различие можно наблюдать, если рассматривать только непосредственные зависимые — именные группы, см. данные в Таблице 11. В этом случае статистически значимым оказывается различие между зависимыми первой «степени» и высоких «степеней» от девятой до двенадцатой (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 11. Связь между выбором стратегии и количеством зависимых ИГ различной «степени»

	1	9–12	зависимых высоких (9–12) «степеней» на одно зависимое 1-ой «степени» в среднем
<i>который</i>	697	189	0,27
причастие	1519	177	0,12

Таким образом, длина относительной клаузы существенна для выбора стратегии релятивизации независимо от количества непосредственных зависимых глагола и их частеречной принадлежности.

Другим фактором, связанным с выбором стратегии релятивизации, является количество (непосредственных) зависимых глагола. Рассмотрение небольшой выборки примеров с относительными клаузами, включающими три слова, не считая глагола и относительного местоимения, показало, что при причастной стратегии выше доля относительных клауз с одним зависимым, как в (28), ср. с (29), где таких зависимых два — *мне* и *важной*²⁸. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

(28) *Кошки, как и любые хищники, ведущие ночной образ жизни, хорошо видят в тёмное время суток.* [НКРЯ: Алек-

²⁸ При расчетах местоимение *который* не учитывалось в числе зависимых.

сандр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание — сила», 2003]

- (29) *После концерта в Кольмаре, часа в три ночи после ужина, он сказал Володе фразу, **которая** показалась мне очень важной* <...> [НКРЯ: Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Таблица 12. Связь между выбором стратегии и количеством зависимых при фиксированной длине клаузы (в клаузах с тремя зависимыми различных «степеней»)

	1 зависимое	2 (или 3 ²⁹) зависи- мых	% клауз с 2 (или 3) зависимыми
<i>который</i>	66	34	34 %
причастие	88	12	12 %

Таким образом, при фиксированной длине клаузы причастная стратегия чаще используется в предложениях с меньшим количеством зависимых.

С выбором стратегии связан также тип зависимых глагола в относительной клаузе. Данные о сравнительной частотности различных типов зависимых в причастном обороте и относительной клаузе с местоимением *который* собраны в Таблице 13.

Таблица 13. Связь между выбором стратегии и количеством зависимых различных типов

	<i>который</i>	причастие	доля причастий
деепричастие	33	1	0,03
придаточное, вводимое союзом	34	23	0,40
инфинитив (кроме инфини- тива при глаголах <i>мочь</i> , <i>смочь</i> , <i>хотеть</i> , <i>быть</i>)	95	123	0,56
наречие	325	466	0,59
существительное	703	1363	0,66
предлог	738	1481	0,67
всего относительных клауз	1432	3927	0,73

²⁹ В выборке был зафиксирован только один пример с тремя зависимыми.

Имеющихся данных недостаточно, чтобы утверждать, что доля причастной стратегии различна для всех типов зависимых, перечисленных в Таблице 13. Можно, однако, отметить ряд существенных особенностей данной таблицы.

Во-первых, с использованием стратегии с относительным местоимением *который* коррелирует большее количество **любых** типов зависимых, в том числе предлогов и существительных, у которых, как видно из Таблицы 13, эта тенденция проявляется слабее всего (χ^2 , в обоих случаях $P \ll 0,01$). Важно отметить, что между причастным оборотом и относительной клаузой с местоимением *который* существуют не только статистические различия в отношении использования различных зависимых. Так, в причастных оборотах чаще могут опускаться элементы, выводимые из контекста, ср. (30а–б), а также (14а–б) выше.

(30а) *Шёл экзамен по русской литературе. Дядя останавливал **выходящих** абитуриентов, спрашивая <...>* [НКРЯ: Сергей Довлатов. Наши (1983)]

(30б) *Дядя останавливал абитуриентов, **которые** ??(оттуда) выходили <...>*

Во-вторых, все зависимые клаузального типа (деепричастие, придаточное, вводимое союзом, инфинитив) находятся в верхней части таблицы, т. е. сильно коррелируют с использованием относительной клаузы с местоимением *который*.

Наконец, можно заметить, что деепричастия в подавляющем большинстве случаев используются в относительных клаузах с местоимением *который*, статистически значимо отличаясь от следующих за ними в Таблице 13 придаточных предложений, вводимых союзами (χ^2 , $P < 0,01$).

Как кажется, особого внимания заслуживает последняя закономерность.

В литературе неоднократно отмечался следующий факт: деепричастия, зависящие от причастия, более грамматически приемлемы, если это причастие стоит в форме именительного падежа (см. [Тестелец 2001: 278, 306] и ссылки там):

(31а) *Игрок, **нанесший** травму сопернику, грубо нарушив правила, должен быть наказан.*

(31б) ² *Игрока, нанесшего травму сопернику, грубо нарушив правила, ждет наказание.* [Гестелец 2001: 278]

Как видно из данных в Таблице 14, это обобщение подтверждается статистически: в случае если при причастии есть зависимое деепричастие, вершина значительно чаще оказывается в именительном падеже (χ^2 , P = 0,01).

Таблица 14. Частотность вершин причастного оборота в именительном падеже при наличии зависимых деепричастий и без них (1951–2007 гг.)

	именительный падеж	косвенные падежи	% именительного падежа
причастие с зависимым деепричастием	52	56	48 %
причастие в среднем	2473	4363	36 %

Данные в Таблице 15 показывают, что предпочтение вершин в именительном падеже при наличии зависимого деепричастного оборота не является общим свойством релятивизации подлежащего и характеризует именно причастную стратегию³⁰.

Таблица 15. Связь между выбором стратегии и формой вершины при наличии зависимых деепричастий (1951–2007 гг.)

	именительный падеж	косвенные падежи	% именительного падежа
<i>который</i>	510	1461	26 %
причастие	52	56	48 %

Можно было бы предположить, что особая редкость деепричастий, зависящих от причастий, связана исключительно с

³⁰ Как было показано выше, корреляция между именительным падежом вершины и использованием причастного оборота существует и в других случаях. В то же время при наличии зависимых деепричастий эта корреляция оказывается значительно более сильной. Так, согласно данным, приведенным в Таблице 3, в обычном случае вершины в именительном падеже составляют около 30% в относительных конструкциях с *который* и около 36% в конструкциях с причастными оборотами, ср. со значительно большим различием, представленным в Таблице 15.

контекстом косвенных падежей. Однако, как видно из данных в Таблице 16, это неверно: даже если рассматривать только деепричастия, зависящие от причастий в именительном падеже, они статистически значимо отличаются от придаточных, вводимых союзом (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

Таблица 16. Связь между выбором стратегии и количеством зависимых деепричастных оборотов и придаточных предложений

	<i>который</i>	причастие	доля причастий
деепричастия при вершине в именительном падеже	7	0	0,0
придаточное, вводимое союзом	34	23	0,4

Данное различие тем более интересно, что деепричастные обороты в выборке в среднем короче, чем придаточные предложения, вводимые союзом: средняя длина первых — 5,5 слов, вторых — 9,2 слов, если не считать союз. Различие между группами статистически значимо (Т-критерий Манна-Уитни, $P < 0,01$). Следовательно, различие между деепричастным оборотом и придаточным предложением, вводимым союзом, не может быть объяснено большой длиной первого.

К числу признаков, коррелирующих с использованием относительного предложения с местоимением *который*, относится также наличие при глаголе отрицательной частицы *не* (32). Это подтверждается данными, приведенными в Таблице 17. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (32) *Существенно постарела и экспериментальная база, которая не обновлялась пятнадцать лет.* [НКРЯ: Металловедение есть и будет основой металлургии]

Таблица 17. Связь между выбором стратегии и наличием при глаголе отрицательной частицы

	<i>который</i>	причастие	% причастий
с отрицанием	80	109	58 %
без отрицания	1352	3818	74 %

Наконец, выбор стратегии с относительным местоимением *который* коррелирует с наличием сочинения глаголов (33), см. данные в Таблице 18. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

(33) *Гораздо больше людей страдают от побочных эффектов, которые снижают качество жизни и инициируют патологические процессы.* [НКРЯ: Наука и жизнь №11, 2002]

Таблица 18. Связь между выбором стратегии и сочинением глаголов

	<i>который</i>	причастие	% причастий
с сочинением	139	116	45 %
без сочинения	1293	3811	75 %

Таким образом, выбор стратегии релятивизации с местоимением *который* коррелирует со следующими свойствами относительной клаузы, рассмотренными в данном разделе: нерестриktivность, большая длина клаузы, большее количество (непосредственных) зависимых у глагола в относительной клаузе, наличие у глагола зависимых клаузального типа, в особенности деепричастных оборотов, наличие при глаголе отрицательной частицы, сочинение глаголов.

6. Выводы

Основные стратегии релятивизации подлежащего в русском языке различаются по ряду признаков, некоторые из которых являются абсолютными, а некоторые — статистическими. При этом представляется, что набор таких признаков, характеризующий каждую из стратегий, является неслучайным.

Так, многие из перечисленных в статье признаков соотносимы с признаками номинализации по К. Леманну, причем причастные клаузы демонстрируют связь (абсолютную или статистическую) с признаками большей номинализованности.

В статье [Lehmann 1986] предлагается считать, что стратегии релятивизации различаются, в частности, по тому, в какой мере соответствующие относительные клаузы номинализованы, т. е. проявляют свойства не отдельной клаузы, а имени. Для более номинализованных клауз характерны «ограничения на тип предложения, ограничения на модальные категории, на время и вид,

факультативность зависимых, нефинитные глагольные формы, подлежащее в родительном падеже, ограничение на возможные зависимые» [Lehmann 1986: 671–672].

Большинству из перечисленных выше признаков соответствуют некоторые характеристики причастного оборота.

Так, причастные обороты чаще встречаются в рестриктивных относительных клаузах, которые, как было показано в [Bache, Jakobsen 1980], семантически интегрированы в главную клаузу, а значит и менее клаузальны («ограничения на тип предложения»). Использование причастных оборотов ограничено в контекстах, требующих использования условного наклонения («ограничения на модальные категории») или будущего времени («ограничения (...) на время»). Для причастных оборотов характерно меньшее количество зависимых, и эти зависимые могут опускаться с большей свободой, чем в относительной клаузе с местоимением *который* («факультативность зависимых»). Редкость зависимых деепричастных оборотов при причастных формах граничит с грамматическим ограничением («ограничение на возможные зависимые»).

Особенно интересно последнее ограничение: как известно, в русском языке способность присоединять деепричастный оборот является признаком единицы, содержащей подлежащее [Тестелец 2001: 278, 331–333]. Как было показано выше, наличие деепричастного оборота сильно коррелирует с использованием относительной клаузы с местоимением *который* даже в пределах группы примеров, в которых был бы приемлем и причастный оборот (т. е. при вершинах в именительном падеже). Это показывает, что данный признак, который принято рассматривать скорее как бинарный (различающий единицы с подлежащим и без подлежащего), имеет градуальный характер, различая единицы, в большей или меньшей степени проявляющие свойства клаузы.

Неслучайными кажутся и некоторые другие различия, упомянутые в статье.

Так, большая частотность причастных оборотов при тех типах вершин, которые часто относятся к данному (вершины в именительном и родительном падежах, вершины, относящиеся к теме), предположительно, связана с функцией относительной клаузы при таких вершинах. Согласно [Fox, Thompson 1990], от-

носительные клаузы, как правило, используются в одной из двух функций: для идентификации известного референта или для описания нового референта, которое объясняет, зачем он вводится. При вершинах, относящихся к данному, очевидно, должна преобладать первая — «идентифицирующая» — функция, а значит, информация в относительной клаузе должна в большинстве случаев быть известной слушателю. Способность содержать новую информацию является несомненным свойством клаузы, поэтому представляется вполне закономерным, что в контексте, как правило, не требующем введения новой информации, — при вершинах, относящихся к данному — чаще используются менее клаузальные единицы.

Интересен также тот факт, что при описании событий будущего в ненарративном контексте причастный оборот оказывается возможен только в нереферентных ИГ. Рестриктивные относительные клаузы с нереферентными вершинами отличаются от прочих тем, что сами по себе не содержат информации, которая может быть оценена как истинная или ложная. Так, например, такие клаузы могут быть помещены в контекст, указывающий на то, что действие в зависимой клаузе может не выполняться:

- (34) *⟨...⟩ первый **угадавший** получает приз. {Если в течение недели никто не угадал комбинацию — призовой фонд переходит на следующую неделю.}* [Яндекс]

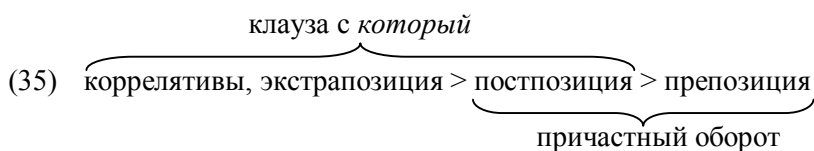
Таким образом, причастные клаузы в некотором контексте (ненарративный фрагмент текста, будущее время) не могут содержать отдельного сегмента информации, т. е., по всей видимости, еще более интегрированы семантически в главную клаузу, чем относительные клаузы, содержащие данную информацию (ср. выше о предпочтительности причастного оборота в рестриктивных клаузах и в относительных клаузах при вершинах, отнесенных к данному).

Далее, кажется примечательным тот факт, что использование причастной стратегии ограничено при необходимости употребить глаголы *хотеть*, *мочь* или *быть*, которые демонстрируют некоторые свойства вспомогательных глаголов: значения, соответствующие вспомогательным глаголам, приближаются к

значениям глагольных категорий, а для номинализованных единиц характерны ограничения на выражение категорий глагола³¹.

Закономерной представляется и бо́льшая длина относительных клауз с местоимением *который*: очевидно, что в нормальном случае в клаузу входит в среднем большее количество слов, чем в любые другие типы составляющих.

Наконец, неслучайными оказываются и позиционные типы клауз, допустимые в данных стратегиях. К. Леманн отмечает, что наиболее номинализованными обычно оказываются относительные клаузы, находящиеся в препозиции к вершине, а наименее номинализованными — те, которые предшествуют всей главной клаузе или следуют за ней [Lehmann 1986: 672]. Таким образом, как видно из (35), причастный оборот приходится на два «более номинализованных» позиционных типа, а относительная клауза с местоимением *который* — на два «менее номинализованных» позиционных типа³².

Следует отметить также, что, согласно К. Леманну, степень номинализации находится в обратной корреляции с количеством допустимых позиций на иерархии доступности именных групп [Lehmann 1986: 672] (см. о ней [Comrie, Keenan 1979]), что также указывает на бо́льшую номинализованность причастного оборота: если причастия допустимы только при релятивизации подлежащего и прямого дополнения, относительной клаузе с место-

³¹ Ср. с более грамматикализованными модальными глаголами в английском, не допускающими образование причастной формы:

(i) **People canning speak French will be detained.* [Andrews 2007: 232]

³² Степень номинализованности причастного оборота, по всей видимости, зависит и от его позиционной характеристики: по многим количественным признакам, рассмотренным в статье, причастный оборот в постпозиции занимает промежуточное положение между относительной клаузой с местоимением *который* и причастным оборотом в препозиции.

имением *который* доступны по крайней мере следующие позиции: подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение, косвенное дополнение, позиция приименного посессора.

Наконец, хотелось бы упомянуть параметр, как кажется, наиболее очевидным образом связанный с обычными свойствами клаузы — частотность интонационно независимых относительных клауз, таких как (36) и (37)³³.

(36) {*Ну поймите/настоящему искусству нужен настоящий огонь!*} **Который** *бушует/который жжёт!* [НКРЯ: Александр Митта и др. Гори, гори, моя звезда, к/ф (1969)]

(37) {*О! Несравненный Султан!*} **Затмеваящий** *блеском солнце!* [НКРЯ: Борис Рыцарев и др. Волшебная лампа Аладдина, к/ф (1966)]

Как видно из данных в Таблице 19, данный параметр коррелирует с использованием относительных клауз с местоимением *который*. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 19. Связь выбора стратегии с частотностью интонационно независимых клауз (устный подкорпус)

	<i>который</i>	причастие	доля причастий
в начале отдельного предложения	52	7	0,1
форм женского рода в произвольном контексте ³⁴	2004	1936	0,5

Следовательно, этот признак также указывает на большую степень номинализации причастной клаузы.

³³ В качестве интонационно независимых условно рассматривались те и только те относительные клаузы, которые были графически оформлены как независимые предложения. Как кажется, соответствующее интонационное разделение воспринимается сравнительно легко, поэтому возможные погрешности в интонационной разметке вряд ли могли значительно повлиять на приводимую статистику.

³⁴ Ограничение по роду необходимо из-за того, что в номинативе для всех форм местоимения *который*, кроме единственного числа женского рода, существует омонимичная форма аккузатива, что создает сложности при работе с корпусом, в котором не снята омонимия.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — М. В. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М.: Наталис, 2008.
- Гращенкова, Гращенков 2006 — А. Э. Гращенкова, П. В. Гращенков. Аргументная структура прилагательных // Третья конференция по типологии и грамматике. Материалы. СПб.: Нестор–История, 2006. С. 36–41.
- Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения *который* // Т. М. Николаева (ред.). Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.
- Крапивина 2009 — К. А. Крапивина. Причастный таксис в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. СПб.: СПбГУ, 2009.
- Лютикова 2009 — Е. А. Лютикова. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 436–511.
- Никунласси 2008 — А. Никунласси. Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке. Helsinki: Helsinki University Press, 2008.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // А. Е. Кибрик (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7(14). М.: РГГУ, 2008. С. 412–419.
- Розенталь и др. 1998 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998.
- Русакова, Сай 2009 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 245–282.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Холодилова, в печати — М. А. Холодилова. Грамматикализация русских модальных глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, в печати.

- Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
- Andrews 2007 — A. D. Andrews. Relative clauses // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 206–236.
- Bache, Jakobsen 1980 — C. Bache, L. K. Jakobsen. On the distinction between restrictive and non-restrictive relative clauses in Modern English // *Lingua* 52, 1980. P. 243–267.
- Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun phrase accessibility revisited // *Language* 55, 3, 1979. P. 649–664.
- Diessel 1999a — H. Diessel. The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony // *Linguistic Typology* 3, 1999. P. 1–49.
- Diessel 1999b — H. Diessel. *Demonstratives: form, function and grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Dobrushina 2010 — N. R. Dobrushina. Subjunctive in Russian relative clauses // A. Grønn, I. Marijanovic (eds.). *Russian in Contrast*. Oslo studies in language 2(1). Oslo: University of Oslo, 2010. P. 181–210.
- Fox, Thompson 1990 — B. Fox, S. Thompson. A discourse explanation of the grammar of relative clauses in English conversation // *Language* 66, 2, 1990. P. 51–64.
- Himmelman 1996 — N. P. Himmelmann. Demonstratives in narrative discourse: a taxonomy of universal uses // B. Fox (ed.). *Studies in Anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 205–254.
- Lehmann 1986 — Ch. Lehmann. On the typology of relative clauses // *Linguistics* 24, 4, 1986. P. 663–680.